

ИГОРЬ АБРОСКИН

Четыре тракта

ОЧЕРК

Царствование Алексея Михайловича (1645–1676 гг.), второго царя из рода Романовых, было знаковым, удивительным для Руси, много тогда произошло такого, что определило судьбу державы на три века вперед, и, по большому счету, определяет и день сегодняшний: присоединение Украины и Белоруссии, Раскол, Соборное уложение, официально утвердившее крепостное право, дальнейшее, всеохватное освоение Сибири, укрепление династии Романовых. Вот как размашисто, образно, по-русски описывает это время Владимир Личутин в своей замечательной, грандиозной эпопее «Раскол»: «Благодарная заповеданная держава Божьим изволом обрела себя, вроде бы утраченную навсегда в полонах и невзгодах. Спасительный ветер подул в русские сени. Уже Малая и Белая Русь, исплаканные от долгого шляхетского ярма, позабывшие отеческое предание и веру, глубоко подпавшие под латинянина, с охотой и досель неизвестным волнением приклонились под руку государя; ...И всяк вдруг услышал себя русским, и этого чувства, как и в годы смуты, хватило для победы тем, кто брал приступом Смоленск и Вильну, ...кто с малою силою подымался по Енисею под Белый Иртыш, рубя заставы и острожки, кто, испродрогнув до малой костки, волокся

АБРОСКИН Игорь родился в 1958 г. в Баку. Окончил Днепропетровский государственный университет по специальности радиофизик. Автор книги «Все...» (г. Саянск, 1998 г.) Участвовал в стихотворном сборнике «Стихи по кругу» (Иркутск, 1990 г.), печатался в альманахах «Иркутское время» (2002, 2007, 2010) и «Зеленая лампа», в журналах «Сибирь», «Байкал». Живет в г. Саянске Иркутской области.

тундрами по-за Леной встречу солнцу... Дух устроения, государственного стяжения и земельного приобретения, досель спавший в русской груди, вдруг занялся жарким костром и заслонил, сжег в себе все насущные потребности и дал сполна той праведной силы, коя оборет в будущем все препоны. Под архангеловы трубы, на ангельских крылах слетел на Русь захватывающий, пьянящий дух движения, что рожден был еще не угасшей свободою, и вся жизнь, прежде дремотная, обрела новый смысл. ...И в какой-нибудь десяток лет Русь неслыханно обросла землями и вновь стала великою». Уже встали Енисейск (1619 г.), Красноярск (1628 г.), Илимск (1630 г.), Братск (1631г.), Балаганск (1654 г.), Иркутск (1661 г.). И в этой славной череде, в 1677 году было основано казаками село Барлук. Казаки первыми приходили на сибирскую землю, а делали ее действительно русской, закрепляли за державой, пашенные крестьяне. («Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне». «Илимская пашня», Вадим Шерстобоев).

Растущей стране, движущейся, ширившейся на север и восток, необходим был хлеб. С хлебопашества, с пашенного крестьянина и начался Барлук, вставший в пойме Оки, на хороших, плодородных землях. И еще один важный момент, связанный непосредственно с Барлуком — к концу XVII, началу XVIII веков речной путь от Енисейска до Иркутска, а это 1799 километров вверх по Ангаре на шестилах, был хорошо отлажен, но он был крайне тяжел, чего только стоило прохождение Братских порогов, обнос их. Грузопоток увеличивался, и назрела крайняя необходимость в сухопутном пути, хотя бы до Балаганска, мимо порогов. И этот тракт был проложен: Красноярск, Нижнеудинск, Тулун, Барлук, Уян, Буря, Балаганск и дальше в Иркутск. В 1734 году этим трактом из Тобольска в Иркутск проехал знаменитый путешественник Витус Беринг. Хочу подчеркнуть — привычного сегодня для нас Московского тракта, проходящего через Зиму, еще не существовало, он будет построен позже, да и Зимы, как таковой еще не было. И вот, об этом участке исчезнувшего ныне тракта: Барлук, Уян, Буря, Балаганск, и хотелось бы поговорить. Безусловно, нужно было бы пройти этот старинный путь пешком, или проехать на коне, от села к селу, размеренно, неторопливо, с раздумчивыми ночевками, с подробными путевыми записями. Но, увы, во-первых, как определить точно, где пролегал этот тракт? И, во вторых, где найдешь в своем суетливом газетном графике время на такую роскошь, на столь заманчивое, многодневное путешествие. А посему приходится довольствоваться тем что есть: машиной, известными дорогами и однодневными поездками по селам. Итак, первая поездка в Барлук, в село, которому в 2019 году исполнилось 342 года. (Барлучане отмечают эту дату 1 июля).

Барлук — правый ключ

Не успел доехать до Куйтуна — засеял, занудил ситничек, небо то просветлялось, то хмурилось. За районным центром свернул с Московского тракта направо, дождь усилился, но дорогу еще не развезло, вполне приличная гравийка, 50-60 км/ч можно смело ехать, не «убивая» машину. Пошли населенные пункты, первым — Сулкет. Разбитый асфальт, серые избы... Дальше Бурук, очень похожий на Сулкет, но с запрудой: низинка, большое озеро, одинокая цапля и ни одного рыбака. Местность равнинная, ни тебе, таких привычных у нас в округе, затяж-

ных подъемов, ни глубоких падей. В низинках, у воды — ели, повсюду перелески из берез и сосен и поля, поля, поля... Зелень, покосы, с уже скошенным и убранным в валки сеном, пары. Вдоль дороги обильна конопля, по дороге прогромыхали четыре пустых лесовоза. Дождь усилился, но небо не стало ниже. На 96-м километре от Саянска местность распахнулась, вдали мелькнула Ока, над ней сгрудились лесистые холмы правого берега, а в долине широко раскинулся Барлук — русское село, носящее бурятское имя. Барлук с бурятского — правый ключ. Поклонный крест на въезде и удивительный... как определить это? — въездной знак, памятник? Нечто деревянное, с резьбой, наособицу, душевное, теплое: на фронте дата рождения Барлука — 1677 год; колосья, резьба. А с тыла — это видишь, покидая село — журавлиный крик: «Не забывай родимый дом». Автор этого замечательного сооружения житель Барлука Артем Дягилев, всю эту красоту он сотворил своими руками.

В Барлуке меня встретила Оксана Макарова, учитель истории и обществознания барлукской средней школы. Сама она коренная барлучанка, ее предки приехали сюда в 1906 году по столыпинской реформе из Белоруссии и Украины. Знакомство с селом мы начали с краеведческого музея, находящегося на территории школы.

— Наш краеведческий музей создан в 1967 году известнейшим в Барлуке человеком — Шпонарским Генрихом Леонидовичем, тогда директором барлукской школы, — начала экскурсию Оксана Валерьевна. — Дело в том, что еще в 50-е годы у нас, в окрестностях Барлука работал иркутский археолог Павел Хороших, им была найдена масса древних предметов, доказывающих, что здесь, на правом берегу маленькой речки Барлучки, впадающей в Оку, на большущей песчаной горе, сейчас заросшей травой, и облюбовал себе место для стоянки древний человек. Также много интересных находок приносили в школу жители села. Возникла острая необходимость в музее, и он появился.

Я держал в руках каменный топор, возраст которого, как выяснили ученые, составляет 15 тысяч лет. И становилось не по себе — какая пропасть лет между мной и тем, кто этот топор изготовил! И на фоне этих долгих тысячелетий — от древнего человека до нас, сегодняшний Барлук — всего-то 342 года! — кажется совсем юным, а жизнь человеческая и вовсе — вспышка, крохотный миг, за что цепляемся?

А вот рог тура, он торчал из окинского берега и длительное время служил крюком для чалки лодок. Потом берег осыпался, и крюк оказался рогом, и очутился в музее.

В одной из пещер ниже по течению Оки были найдены писаницы — рисунки древнего человека, прекрасное ему было совсем не чуждо. Сейчас, с образованием Братского моря и поднятием уровня Оки, эти пещеры затопило, но точные копии писаниц представлены в барлуцком музее.

Уже в более поздние времена эти места были заселены бурятами, а в первой половине XVII века вверх по Оке из Братска и Илимска, в поисках угодий, пригодных для пашни, поднялись сюда казаки. Свято место пусто не бывает, казакам показалось здесь любо, следом за казаками двинулись пашенные крестьяне. Русскому без пашни, без хлеба жизни не было, так и возникла в 1677 году сначала деревенька, а потом и село Барлук, Барлуцкой волости, Илимского воеводства. Коренные, изначальные фамилии в селе — Сахаровские, Мурашевы, Карнауховы. Эти фамилии до сих пор распространены в Барлуке.

В округе оказалась очень хорошая, особенная глина, и испокон века в селе занимались гончарным делом, работал кирпичный завод. В музее представлены горшки, кувшины местного изготовления. Как утверждает Оксана Макарова, в них молоко не киснет гораздо дольше, чем даже в стеклянных банках, не говоря уже о пластиковом суррогате. Этой глиной лечили суставы. Сегодня при школе открыта гончарная мастерская, но это уже ремесло на музейном уровне, а не крестьянское дело первой необходимости. А жаль. И еще — в просторных, щедро изукрашенных наличниками избах барлучан были огромные, теплые, цельно-глинобитные русские печи, конечно же, из местной, целебной глины.

Есть в музее и кандалы, их нашли в окрестностях села, когда пахали землю. Сибирь считалась ледяным мешком для грехов России, как же здесь без кандалов?!

Хорошо быть единственным посетителем музея, да еще при таком доброжелательном экскурсоводе. Не преминул я, с разрешения, и кандалы примерить на себя. Кисти рук легко вошли в кольца кандалов, «железо» свободно заболталось на запястьях, тяжело, что за богатырь носил эту ношу? А может быть это ножные кандалы?

— Обратите внимание, — Оксана Валерьевна пристально посмотрела на меня, — кандалы-то не раскованы...

— Что это значит? — не сразу сообразил я.

Потом дошло — несчастный не только носил эти кандалы, похоже он и смерть принял в них. Иначе... как же по-другому? Они действительно не раскованы. Стало не по себе...

Есть в музее и стенд со старинными серебряными монетами, найденными на берегу Оки: 5 копеек 1777 года, копейка 1780 года и другие монеты разного достоинства. На этом же стенде нательные кресты первых жителей Барлука, украшения конской сбруи, обломки колокольчиков. Вдоль берега Оки когда-то шла дорога, соединяющая Барлук с Уяном, так, наверное, и проходил искомый мной тракт. В соседней комнате нехитрая крестьянская утварь, от ступы, шинковки и серпов, до кованого поповского сундука. Ичиги, чирки — кожаная обувь. Редкие в Сибири лапти, завезенные сюда чувашами.

Целая комната музея посвящена Великой Отечественной войне. На фронт ушли 503 барлучанина, 100 из них не вернулись в село — погибли и пропали без вести. Под стеклом в музее хранятся письма-треугольники, земля с Мамаева кургана, солдатские «смертные» медальоны, с указанием адреса солдата и сведений о его родственниках, адреса отца и матери.

Экскурсия по музею закончилась, пришло время познакомиться с селом воочию, проехаться, пройти по нему. Дождь так и не прекратился.

— Если смотреть на Барлук с птичьего полета, — уже на мокрой лужайке перед школой продолжает свой рассказ Оксана Валерьевна, — то от центральной улицы, сейчас это улица Ленина, как лучи расходятся другие улицы, это напоминает новгородские «концы» (районы древнего Новгорода), что и понятно, первопроходцами Сибири были жители русского севера. А вон там, видите, — показывает рукой в сторону Оки — так вот, там, в пойме, практически на берегу реки и строились первые поселяне Барлука, там раньше и было село. Но в 1812 году, по преданию, произошло самое мощное наводнение на Оке. Шел водяной вал свыше 10 метров. Июнь. Большинство жителей было в поле, и село буквально смыло. Смыло и церковь. После потопа люди стали строиться выше, возникло две улицы, первая — Забока, то есть за боком реки, вторая — Подгора, потом Степушка, Зам-

зор... Сейчас эти названия сохранились лишь в разговоре, в просторечье, а официальные названия у них другие, например Забока стала улицей Кирова. Лишь Замзор остался Замзором, хотя смысл этого названия не ясен.

От школы мы поехали к церкви, точнее к тому, что от нее осталось. Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы была построена в начале XIX века, уже после большого наводнения. Ее нижний ярус был каменный из кирпича, верхний же восьмерик храма, его купол и колокольня были деревянными, но оштукатуренными и побеленными под камень. Успенская церковь принадлежала к ценным памятникам барокко. Увы, при советской власти церковь стала клубом, складом, магазином (обычная история). На сегодня верхнего деревянного надстройки нет вовсе. Кругом разор, двери — какие заколочены, какие нараспашку. Сразу и не определишь, что это за сооружение.

— В прошлом году приезжал молоденький батюшка из Саянска — поясняет моя провожатая, — начались какие-то работы, расчистили, разгребли, убрались. Говорили, что церковь можно восстановить. А сейчас все тихо. Очень хотелось, чтобы у нас храм был восстановлен, Барлук древнее село, а как селу без храма, да и жителей у нас не мало, 1170 человек на этот год в селе проживает.

Рядом с церковью — поповский дом, в нем сейчас сельская администрация, флаг мокнет под дождем. За поповским домом и церковью когда-то было кладбище, сейчас же стоит детский сад.

— Когда садик строился, кости выкапывали, вот такое кошунство получается, что ли... — смущается Оксана Валерьевна.

Подъехали к промтоварному магазину, оказывается на его месте стоял самый большой дом в Барлуке, дом кулака, богатея Филатова. У него было огромное количество скота, он для своей дочери, получившей медицинское образование, построил больницу, которая существует и функционирует до сих пор. Это красивейшее деревянное здание с чудесной резьбой, стоит в сосновом бору, там сейчас психиатрическая больница, рядом живет сельское начальство.

— Кстати, — поддержал я разговор о богатых, — как Барлук воспринял революцию 17-го? В Москве — ясно, а чего было делить здесь, в Барлуке?

— Было чего делить, — с нажимом, назидательно ответила Оксана Валерьевна и пристально посмотрела на меня, — и здесь неравенство было. И «красные» и «белые» были, и кулаки, и батраки.

— И куда кулаков дели?

— Раскулачили и выселили барлуцких кулаков, посадили на подводы и увезли из села, и никто их больше не видел. — Оксана Валерьевна легко махнула рукой куда-то на восток. — В советское время Барлуцкий колхоз гремел, ходил в передовиках, потом в 90-е все пришло в упадок...

— Но я сейчас ехал — поля запаханы, засеяны.

— Это ООО «Авангард», хозяин Алексей Колесников, его поля. Наш, коренной барлуцкий, у него и деды, и прадеды здешние, со столыпинских времен.

— Новый кулак получается? — улыбнулся я.

— Да, но и вокруг подкулачников много, — весело подхватывает Оксана Валерьевна, — все земли вокруг да около скуплены, ступить некуда.

— А кто скупил?

— Да местные жители, как начинается косьба, так и начинается дележ — это твое, это мое... Не хватает уже земли.

В Барлуке есть почта, сотовая связь, интернет, уверенно вещает цифровое

эфирное телевидение, в селе своя вышка. Основная масса жителей работает на себя, в своих подсобных хозяйствах. Мясо, молоко сдают в барлуцкое потреббщество. Много пчеловодов. В сезон человек сто работает у Колесникова. В своей больнице можно получить амбулаторное лечение, есть фельдшеры и медсестры, есть даже стоматолог, а вот рожать женщинам приходится ездить в Иркутск, и лишь в экстренных случаях принимают роды в Куйтуне. 53 человека работают в Барлукской средней школе.

— Горожанам не завидуете? — спрашиваю я у своей собеседницы.

— Нет, меня все устраивает, мы благоустроили свой дом, живем с городскими удобствами, обогреваемся электричеством, стоят котлы. Большинство сейчас так делает. Нормально живем в красивом, чистом месте.

— Как с водой?

— Питьевая вода привозная — достал сотовый, позвонил, привезли, а для прочих нужд — бани, стирки, скота — есть скважины и колодцы, над некоторыми еще «журавли» стоят. Из Оки воду можно брать, она там хорошая, мягкая, но не для питья, конечно.

— Лес-то в округе остался?

— Вырубили лес.

— Кто?

— Да все, кому ни лень. Дров не достать, не говоря уже о кругляке или бруссе. Сейчас из газобетона в два раза дешевле построиться, чем из дерева. Вот похвасталась, а получается: живем в лесу, а без дерева. На берегу реки, а воды из нее не напиться.

За разговорами добрались до Забоки. Какое чудесное имя, местное, коренное. Нет, зачем-то переименовали в Кирова. Ну, при чем здесь, на этой древней улице со столетними избами, какой-то ленинградский революционер?

Некто Александр Иванович Гаврилов (в деревне ты всегда на виду, особенно чужой, пришлый, на тебе всегда тревожный, пристальный, вопрошающий взгляд селянина), узнав, что мы интересуемся старыми домами, стал радушно, с напоном, энергично показывать дом своей бабушки:

— Борисова Мария Дмитриевна, родилась в этой избе в 1898 году. Это она родилась! А сколько до нее изба стояла! Изба здоровая была, сейчас лишь половина от нее осталась, другую половину в войну истопили, мужиков нет, бабы одни, вот и топили чем ни попадая, что под рукой было. А вот амбар, старинный, вот дверь. А почему она вовнутрь открывается? — уперся в меня взглядом Александр Иванович.

— Наверное, чтоб открыть, когда снега навалит, — предположил я.

— Нет, — отрезал Гаврилов, — снег здесь не главное. Главное — петли спрятать, так сделано, в потай, чтобы дверь с петель снять нельзя было. А видишь, вся дверь дробью изрешечена? Теперь глянь напротив — вон, отверстие круглое в избе, прямо в бревне. Что-то, кто-то во дворе зашебуршит, бабка деду, мол, шум какой-то, не воры ли? Дед без лишних слов, ствол в дырку, все пристрелено и по двери...

— А почему бекасинником?

— А чтоб выковыривать дольше было, — загототал Александр Иванович.

Вот такая встреча случилась на Забоке. Но была там более значимая встреча, свидание нечаянное даже.

Старожильные деревни по Ангаре ушли под воду, то, что построили потом,

было уже другим, небрежным новоделом. Аталанка Распутина, оставшаяся на дне, совсем не та Аталанка, что сейчас стоит на берегу Братского моря. По той, по первой был великий, гениальный плач Валентина Григорьевича. А старожильные села по Оке остались живы, и стоят уже более трех веков. Вот она Забока, это не музей, здесь нет искусственного, потешного, туристического, спертго воздуха Ангарской деревни или Тальцов, здесь века дышат, здесь прошлое в буквальном смысле обрушивается в настоящее. Вот он — Дом! Мы с Оксаной Валерьевной обошли его со всех сторон, раздвигая крапиву и коноплю, мокрые по пояс вошли вовнутрь. Обширная веранда полукружьями окон смотрит на пойму Оки, туда, где когда-то стоял допотопный Барлук, смытый неугомонной Окой. В самой избе первой встречает огромная глинобитная русская печь, она челом набыченно уставилась на меня. Слева от печи вход в подклет. Спустился, стою в полный рост, не сгибаясь, и на уровне глаз целые, без гнилья, даже сжелта, мощные бревна, держащие на себе избяной пол.

Дом покосился, осел на один угол, но не потерял своего... нет, не величия, а какую-то неистребимую, кондовую, крестьянскую силу и статью, и в то же время, в этой веранде, в этих полукружьях окон чувствуется ветер, некая легкость и радость жизни. Этот дом принадлежал, служил более ста лет простым крестьянам, ими он был с любовью и умением срублен. Последний его хозяин Борис Рюмшин жил здесь один, говорят, пил, и умер лет пять назад. Приезжали гости из Тальцов, хотели забрать дом в музей, но не забрали.

И еще один, самый последний дом на Забоке. На взгорке, по левой стороне улицы. Дом — боровичок. Небольшой, ладненький. Стоит настырно, одиноко, отвернувшись челом от полуночника, подставив глухую, изъеденную до костлявой белизны заднюю стенку северу, а коньком вытянувшись на юг. Как же хорошо, ладно умели наши предки строить, из какого же здорового, крепкого дерева творили свое жилье, которому и сотня лет не срок!

Дом этот тоже не жилой и принадлежит Шайтановым.

Мне кажется, что Дом с верандой и одинокий Дом — это символы уходящего времени, прошедшей трехсотлетней эпохи. Она уходит, она практически уже ушла. Многовековой, старожильный уклад рушится, а что построено нового на селе? Что может встать рядом, вровень с этими избами? Что ни поставь — все будет мельче, скучнее, пошлее, неинтересней, как дешевый, практичный сайдинг перед желтой, смоляной, духмяной, живой сутью бревенчатой избы, впитавшей в себя силу земли и неба, солнечную ярь и мшистую, темную лесную тяжесть.

Уян

Я давно хотел побывать в Уяне, друзья рыбаки рассказывали про какое-то чудо озеро возле села с дивными карасями. Но все было недосуг. И вот съездил, побывал. Меня, конечно же, интересовала в этой поездке не рыбалка, а тракторное, трехсотлетней давности прошлое Уяна и его день сегодняшней — люди, дома, поля, леса, река, округа. Но обо всем по-порядку.

Очень помог мне в знакомстве с Уяном Николай Георгиевич Орлянский, человек известный в нашем городе. В Саянск он приехал в 1977 году, работал начальником отдела кадров тогда Зиминского химзавода. Сегодня Николай Георгиевич ветеран, пенсионер, заслуженный человек. Прочитав очерк о Барлуке, он позво-

нил в редакцию, мы встретились, и Николай Георгиевич рассказал о своем родном селе, в котором родился, провел детство, окончил школу, откуда вся его родова по материнской линии.

— Все у нас Мурашевы, один я Орлянский, такая вот громкая птичья фамилия, — смеется Николай Георгиевич. — Меня в детстве все вокруг звали Гурьяном. Гурьян да Гурьян — ну и ладно, а когда подрос, повзрослел, то и выяснилось, что дед мой по матери — Евдоким Аксенович Мурашев, а его отец — Аксен Гурьянович, вот от прапрадеда ко мне и прилипло это — Гурьян да Гурьян, то есть все мы были Гурьяновы дети. А Орлянский — это по отцу, он с Урала был, приехал в наши края на работу, с мамой они встретились в 1935 году, сошлись, поженились, в 1936 году я родился.

С особой теплотой Николай Георгиевич вспоминал своего деда Евдокима Аксеновича Мурашева 1870 года рождения, корни которого уходят, скорее всего, к сибирским первопроходцам, основателям и Барлука, и Уяна. Фамилия Мурашевых одна из самых древних, распространенных в этих селах. Дед был крестьянин, но очень любил рыбалку, он и внуку своему привил эту страсть. Николай Георгиевич до сих пор рыбачит, и весла называет по-дедовски, по-старинному — лапошники: «Я в лапошнях, гребу, а дед сеть ставит».

В Уяне свой говор, речку Алку, протекающую по селу, здесь зовут очень ласково, мягко — Алкушка, Буринку — Бурюшка.

Раньше в Уяне не было названий улиц, а говорили: Мурашевский край, Толочновский край, Багровский край, Кулига, Курья.

— У дедушки с бабушкой было восемь детей, — продолжает рассказ Николай Георгиевич, — все мои дядья, да тетки. Сейчас уж никого не осталось. Я вот про бабушку ничего не знаю, откуда она, местная, не местная? Наши уянские мужики жен обычно брали с Барлука и с Бури. Эх, молодой был, не интересовался, не разбирался со своей родовой. Теперь вот и захотел бы узнать, да спросить уж не у кого. Жили раньше дружно, возьми наш Мурашевский край, сейчас улица Мира, 70 домов, заходи в любой, и везде родня.

— А что-то про старый тракт, соединяющий Барлук, Уян, Бурю, Балаганск, слышали? — задаю я один из своих главных вопросов.

— Слышал, — обнадеживает меня Николай Георгиевич, — был случай, ездили на рыбалку в сторону Барлука, на озера, и там местами шла галечная насыпь. Откуда она? Может это дорога и была?

Увы, большего мне узнать о тракте не удалось. Потом Николай Георгиевич рассказывал о чуде-таймене, жившем в Устьянском улове, и пескарях, которых в детстве называли махченами: «Здоровые, мясистые пескариси, мать зажарит, да яйца сверху — это объедение!».

Уян — большое село, привольно раскинувшееся в долине Оки по ее левому берегу. Точная дата его основания неизвестна, в летописи Уяна приводятся цифры: 1650-е — 1670-е годы. Название Уян скорее всего эвенкийское, оно встречается на БАМе — станция Уоян, на побережье Охотского моря — Аян, то есть в тех местах, где испокон века селились эвенки (тунгусы). Вполне возможно, и на месте нынешнего Уяна был когда-то Уян эвенкийский, места здесь удобные для жизни, и вряд ли они пустовали.

Как рассказала специалист уянской администрации Анна Нестеркина, сегодня в Уяне около девятисот жителей, женщин больше, чем мужчин. Есть сотовая связь, интернет, возможен прием 20 каналов цифрового эфирного телевидения. С

водой проблем нет, есть водонапорная башня, во дворах колодцы. Люди живут, в основном, своим частным приусадебным хозяйством, держат скот, сдают молоко, приемная цена — 16 рублей за один литр. Сельскохозяйственных предприятий нет. В селе семь магазинов, средняя школа, детский сад, дом культуры, библиотека, почта, амбулатория, есть фельдшер, медсестры, «скорая» приезжает из Куйтуна. Женщины рожают в Саянске и Куйтуне. Дом сейчас можно купить в Уяне за 250 тысяч рублей. Лес в округе вырубил.

Есть еще одна особенность, обращающая на себя внимание, правда, это касается не только Уяна — растет рождаемость на селе. Однако, рождаемость растет в основном в неблагополучных семьях. Получается, что молодые пьющие люди рожают детей для получения пособий, на эти пособия они живут, пьют и опять рожают. Рожают себе подобных, не утруждая себя никаким иным трудом. Появляются неполноценные дети, государство проявляет заботу о них, эта забота пропивается... В итоге — замкнутый порочный круг, в котором несчастный ребенок пить, курить и материться начинает еще в утробе матери. Это ведь страшно представить — русское село рождает заведомо больных, убогих, неполноценных, тогда как раньше именно деревня была не оскудевающим источником духовного и физического здоровья нации. Самые крепкие, здоровые, выносливые, честные и трудолюбивые парни и девушки выходили из села.

В центре Уяна стоит необычное здание, наполовину кирпичное, с двухэтажным деревянным пристроем, и вся эта неказистость покрыта двускатной шиферной крышей. В каменной части здания находится сейчас церковь, в деревянном пристрое — клуб и библиотека. Некое культово-культурное объединение, очень символичное для нашего времени, когда словосочетание — православный коммунист — не является оксюмороном.

Конечно же так было не всегда. Уянский приход был открыт в 1787 году, и к концу XIX века в Уяне стояло две церкви — древняя деревянная, построенная в 1798 году, и новая каменная — 1889 года постройки, выстроенная из местного кирпича и на пожертвования уянцев. Обе эти церкви были посвящены Архистратигу Михаилу. Вторая каменная церковь построена по такому же проекту, как и церковь Святителя Николая в Кимильтее, как Троицкий собор в старой Зиме. И строились они приблизительно в одно время. Ну и судьбы этих церквей в советские годы были приблизительно одинаковые — священники репрессированы, церкви превращены в клубы, в мастерские, зернохранилища. Только вот кимильтейский и зиминский храмы восстановлены, а уянскому повезло меньше. Лишь в 2016 году храм был передан Саянской епархии, начались богослужения.

— Клубу надо обязательно, непременно уходить отсюда, — говорит его заведующая Марина Кошелева, — многие и в храм-то не хотят ходить, потому что здесь клуб.

Мы с завклубом и библиотекарем Татьяной Таюрской зашли в церковь, это буквально пара шагов из кабинета, где мы сидели за разговорами и чаем (библиотекари да клубные работники, пожалуй, во всех сибирских городах и селах доброжелательны и гостеприимны). Какая-то жутковатая картина явилась нам, где воссоединилось не соединимое — когда-то храм, потом мастерская по ремонту тракторов, потом клуб и вот, помещение, недавно используемое как зрительный зал, перестало быть залом, но, как мне кажется, так и не смогло пока стать церковью. Так и видится на амвоне — сцена, в Царских вратах — экран, а в останках колокольни горящий голубой глаз кинобудки с пьяненьким веселым киномехаником.

Нужно построить новый клуб, нужно восстановить старинный храм, все это есть в планах администрации села, в планах Саянской епархии, но, как всегда, нет средств.

Когда я спросил у уянских работников культуры, слышали ли они о начале строительства нового кафедрального собора в Саянске, в ответ мне был возглас: «О-о-о... Н-нет! Мы ничего об этом не знаем. Они, батюшки, говорят, что у них нет денег заплатить даже за свет, здесь, в Уяне. Долг у них за электроэнергию в 150 тыс. рублей».

Про наводнение 1812 года, которое смыло старый Барлук, в Уяне не слышали. «Уян — поющая деревня! — энергично, с напором утверждает Марина Кочелева, — раньше запросто, возле избы, на лавочке, баян вынесли и поют. Сейчас поют при клубе, уянскому хору «Просторы Сибири» в этом году 35 лет. Пока культура живет, деревня будет жить, культуры не будет, клуба не будет — деревня обрушится, детям некуда будет идти».

Уян оказался богатым на своих поэтов. В 1905 году здесь родился Михаил Скуратов (кстати, фамилия, распространенная в Уяне), правда, родители его сразу же по рождении сына переехали в Иркутск, и вся поэтическая, литературная деятельность Михаила Маркеловича в дальнейшем была связана с губернским центром, потом с Москвой. В начале 1922 года вместе с Иваном Молчановым-Сибирским, Иосифом Уткиным и другими литераторами он организовал ИЛХО (Иркутское литературно-художественное объединение). Переехав в столицу, встречался с Борисом Пастернаком, Сергеем Есениным, об этих встречах он рассказывал в 1987 году начинающим поэтам, прозаикам и художникам на конференции «Молодость, творчество, современность» в Иркутске.

Есть в библиотеке Уяна небольшая книжица стихов летчика Владимира Соколова, родившегося в Уяне и взявшего себе двойную фамилию — Соколов-Уянец.

А вот искренние, теплые строки из стихотворения еще одного уянца Николая Баклушина:

*Я не гость заморских стран,
Не скитался в мире.
Моя Родина — Уян
На Оке, в Сибири.*

*Мне в Уяне повезло
На заре родиться,
Для кого-то не село,
Для меня столица!*

.....

Стихотворение тронуло, а что-то конкретное об авторе, увы, узнать не удалось. «Нам бы хозяина в деревню крепкого, чтоб работу дал, — сетовали мои собеседницы, — вот тогда бы — да! Зажили! Вернуть бы опять колхоз».

Проехался по деревне — живут, как и везде, по-разному: есть крепкие хозяйства, но много и разора. Какие-то дома еще крепки, да смотрят пустыми окнами-глазницами на пыльную пустынную улицу. Другие — веселенькие: светлый сайдинг, аккуратные водостоки, цветники под окнами. Третьи — средненькие, еще поживут, но нехотя, с натугой.

А улицы в Уяне, действительно, как и в большинстве сел, днем пустынные, идешь и кажется, что село подглядывает за тобой, примеривается к тебе и не пу-

скает в себя, держит на расстоянии, отталкивает настороженным взглядом. Село живет своим замкнутым внутренним миром, в котором ты лишний.

Заехал на кладбище. Большое, старинное — три с лишним века хоронят, — но, увы, как почти и во всех наших селах, неустроенное, с хаотически разбросанными могилами, железными оградками, узкими проходами между ними, по которым лихорадочно пробираешься по колено в траве и с каким-то суеверным страхом утыкаешься в тупик из железа, крапивы и кипрея...

Я вернулся домой с каким-то смутным чувством. Если Барлук хоть чуть-чуть подпустил меня к себе, то Уян едва открылся. Я не почувствовал это село.

Впереди Буря.

Через Бурю к Вершине

Ходит легенда, что село Бурю основал молодой казак Капитон Иванович Константинов в 1762 году. Мол, в специально сделанной для него коляске, запряженной тройкой самых быстрых лошадей, он отправился в далекие сибирские земли по благословению самой царицы Екатерины II. Здесь он нашел привольные места, женился на местной крестьянке... Императрица даровала казаку открытые им земли... Вот такая красивая легенда, передаваемая из уст в уста в Буре. Да, был, конечно же, казак Константинов, это сегодня одна из коренных и самых распространенных фамилий на селе, и, наверное, он приехал на лихой тройке, наверное, женился, только вот, если все описанное происходило в 1762 году, то село уже более семидесяти лет как стояло, точнее, тогда еще без церкви — значит не село, а деревня Буря.

Бурю, скорее всего, как и Барлук, и Уян основали енисейские и илимские казаки да пашенные крестьяне. Буря лежит в череде населенных пунктов, через которые проходил первый сухопутный тракт от Красноярска до Иркутска: Тулун, Барлук, Уян, Буря, Балаганск. По летописным данным Барлук основан в 1677 году, Буря в 1680. Почему Буря? — Точно не известно: жили здесь раньше буряты, место низкое... Так что, когда рубились первые избы на речке Буринке, немецкая принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, будущая российская императрица Екатерина II, еще не появилась на свет. В 1734 году по пути из Тобольска в Иркутск проехал через Бурю Витус Беринг, руководитель Второй Камчатской экспедиции. Казак Константинов появился позже.

В Бурю въезжаешь с угора. Со странного угора, вершина заболочена, жадная, жирная глина сжирает всю отсыпку, появляется колея. Дальше — ниже, но суше, и дорога вполне приличная.

Село разбежалось одной улицей с запада на восток и уперлось в пруд. Поскотина с севера, на юге лесистый холм. Впечатление замкнутого, хорошо организованного пространства, где все три деревенских километра собираются в единое целое церковью. Средневековым бурым шеломом она высится над округой, притягивая все и вся к себе. Вот и речка Буринка весело забежала в село, запетляла, покрасовалась и вновь скрылась под горой. Интересно — в Уяне Буринку называют мягко, ласково Бурюшкой, здесь же более привычно — Буринка.

Центр села. Красивое старинное деревянное здание, трехцветный российский флаг у резных наличников — это сельская администрация. Как выяснилось, располагается нынешняя сельская власть в доме купца Скуратова. Где-то в 20-х годах

XX века, в аккурат, сто лет назад купец сбежал за кордон, а дом остался и служит селу по сей день.

Заместитель главы администрации Татьяна Новичкова рассказала, что сегодня в Буре около 200 жителей, мужчин больше, чем женщин. В селе два крестьянско-фермерских хозяйства, остальные живут своим подворьем. Интернета нет, сотовая связь неустойчивая, цифровое эфирное телевидение вещает из Уяна, прием неуверенный, то показывает, то нет. Школа сгорела в 2009 году. Детей возят на учебу в школу №7 города Саянска. Почтового отделения нет. Ступины, Константиновы, Скуратовы, потом Тирские — вот главные, стоявшие у истоков Бури фамилии.

— Раньше в основном были коренные жители, — продолжает, поддерживает разговор заведующая клубом Галина Гончарук, — а сейчас все временные. Раньше в избах жили поколениями: от прадеда к деду, от деда к отцу, от отца к сыну. А сейчас вековые избы стоят пустые, старики умирают, а дети уезжают, что им здесь делать? Садика нет, школы нет, один раз в неделю, в среду приезжает из Харайгуна фельдшер. Три раза в неделю ходит рейсовый автобус из Саянска. Смертность превышает рождаемость. В этом году народилось трое ребятишек, и двое из них — в неблагополучных семьях.

И дальше, обе мои собеседницы поведали уже привычное о современной деревне: «безнадега и беспросветность, крутишься, бьешься от зари до зари, а в итоге что?». О пьянстве: «Сейчас народ стал больше пить. Раньше — работать, так работать, гулять — так гулять! Из одного дома в другой, и так по всей деревне. Но это в праздник! А нынче же, он втихушку напился за углом, вылез, помаячил, хорошо, если угомонится, уйдет спать, а то и натворит чего...».

Слушаешь — раньше, раньше, раньше... Ведь почти 250 лет жило село, рожало, богатело, было крепким, зажиточным. Потом колхоз, и тоже не из последних, и вот день сегодняшний... Но не только о нем у нас шел разговор. Меня, конечно же, интересовал тракт, проходящий через село. Слышали ли мои собеседницы о нем, и если слышали, то что?

— Галина Николаевна, вы коренная, местная? — продолжал я задавать вопросы.

— Да, здешняя, «от мамки — до ямки» — бойко зачастила она, — в девичестве Ступина.

Мне повезло, мало того, что моя собеседница принадлежала к коренной буринской фамилии, она вспомнила, что в раннем детстве, в начале 70-х годов прошлого века, ездила из Бури до Балаганска через Секурту, Вершину, Сборный. «Заезжаешь в березовую рошу, и тракт под телегу, ровный-ровный, — как замороженная вспоминала Галина Николаевна, — из края в край просматривается, насквозь, как по линейке проложенный».

Вот она ниточка! Затерявшаяся между Барлуком и Уяном, она вдруг проявилась, проступила за околицей Бури и повела вверх к водоразделу между Окой и Ангарой.

С буринским библиотекарем и краеведом Валентиной Кулешовой мы прошли Бурю из конца в конец, от моста через Буринку до пруда. Она стучала в ворота и зычным голосом звала хозяев. С ними мы беседовали о житье-бытье, о дне сегодняшнем и о тракте, и опять мелькали названия Секурта, Вершина, Сборный.

Наиболее интересный, обстоятельный и подробный разговор состоялся с чемой Терентьевых — Павлом Дмитриевичем и Антониной Егоровной. Они коренные, буринские, уже более 50 лет вместе. Он большой, основательный, рассуди-

тельный — пахарь, крестьянин, работал в колхозе на «Кировце». Она высокая, стройная, педагог, преподавала в Буре русский и литературу.

Антонина Егоровна хорошо помнит старый деревенский уклад: матицу, очеп, люльку, огромную теплую русскую печь, слева от печи вход в подпол. С этого начиналась родовая изба, Родина, с этим связаны первые детские воспоминания. Сейчас дом, где родилась Антонина Егоровна, кстати, в девичестве Константинова, стоит полуразрушенный, разбирается на дрова. На вопрос о тракте она передала рассказ отца, как он, еще до революции, шестилетний пацан, помогал снаряжать обоз на Жигалово...

...Начало зимы, реки встали, большой двор, много лошадей, всем заправляет Федос Васильевич Константинов, отцов дед. Сани грузятся зерном. Путь лежит через Секурту, Вершину (в Вершине съезжий двор), Балаганск. Продав зерно, закупили в Жигалово мануфактуру, чай, рис и везли в Бурю. Когда обоз возвращался, барыш, деньги отдавали опять-таки Федосу Васильевичу, тот все складывал в кожаный мешок, а мешок прятал в огромный кованный сундук, ключ от которого всегда висел у деда на поясе. В хозяйстве было много лошадей, скота. Вот такие подробности сохранила детская память отца Антонины Егоровны.

«А у меня мама умерла три года назад, — вспоминает уже Павел Дмитриевич, — она все хорошо помнила. Может чего-то когда-то и рассказывала, да мимо ушей пролетело. Вот бы с ней поговорить! А сейчас-то и спросить не у кого. Да, путь на Жигалово, точно, через Секурту и Вершину лежал. На Вершине лихие люди шалили, «секир башка» делали. Сейчас эта дорога тоже есть, только где заросла, где лесовозами поразбита».

Еще Павел Дмитриевич рассказал, что был где-то в начале 50-х годов прошлого века в Буре кирпичный заводик, из собственной глины делали кирпич, рядом деготь гнали: «Да я вот сохранил где-то один, если найду — сейчас принесу, покажу». И нашел, и принес, и показал именной буринский кирпич с четкой надписью — «Буря». Да, выдумщиками наши отчичи и дедичи были, не боялись себя утруждать всякими затеями.

«Я все пашни в округе знаю, механизатором был, на «Кировце» пахал, — продолжал рассказывать Павел Дмитриевич, — а сейчас поля зарастают, а ведь на моей еще памяти леса раскорчевывались, и все напрасно, все брошено. Обидно! Кто теперь будет работать в деревне!?! — Некому, некому! Деревенский труд тоже надо знать, уметь работать надо. Кто в деревне жил, тот скажет, что это такое. Вот молодежь в основном бежит в город, а что в городе? Деревня-то исчезает потихоньку. Исчезнет — чем город жить будет, что есть? Сумасшествие идет какое-то».

Еще Павел Дмитриевич очень огорчился, что рыбы в Буринке почти не стало, а раньше сыновья пойдут вон под мост и наловят вот таких (раздвигает руки) хариузей — зеленые! А сейчас из Саянска едут — хариуса они ловят! Да разве это хариус? — Плескунцы одни. Всю Буринку от Оки сетками перегородили, разве рыба до нас поднимется? Да еще карбидом травят...

Теперь о буринской церкви. Очень странные ощущения. Если в Барлуке и Уяне присутствие церкви совершенно не ощутимо, то в Буре она всегда была рядом, либо за спиной, либо сбоку, либо впереди. Она, стоящая по колена в назме, собирает село в единое целое, более того — хранит его. Мои собеседницы рассказывали, что в 90-е года все вокруг горело, огонь чуть ли не на огороды заходил, а село уцелело, решили — церковь защитила село. Хотели ее забрать в Тальцы, в Саянск — старики не дали: не будет церкви — села не будет.

Сейчас в полуразрушенном храме от оводов спасаются лошади.

В конце XIX века наши предки на свои сбережения (крепко, правильно жили буринцы) поставили в Буре красивейшую церковь святых апостолов Петра и Павла. Сегодня у села нет сил защитить, спасти, восстановить храм. А может быть, дух тех прежних старожильных буринцев через поруганную, но устоявшую, всему вопреки, церковь (как символически прицерковная ель, расщепленная молнией, и затоптанные могилы под ней!) бережет сегодняшнюю Бурю от окончательной порухи? Может, этим глубинным, древним, коренным, живительным током питаемая, только и жива для чего-то Буря сегодняшняя?

Итак, путь от Барлука до Балаганска, пусть пунктирно, но вырисовывается. Буря через Секурту и Вершину напрямую соединялась с Метляево на речке Биритке, дальше через Бирит путь шел на Балаганск.

Четыре тракта

Подводим итог. Первый путь-тракт — водный.

Если взглянуть на Сибирь сверху, с птичьего полета, то увидишь огромное пространство, зеленое тело, то ли взрезанное, то ли покоящееся на трех могучих стержнях (Обь, Енисей, Лена) и туго перетянутое, плотно сшитое жилами и жилками средних и малых рек. По тайге хода не было, единственный путь пролегал по рекам. Издревле для наших предков дорогами являлись именно реки. Взять изначальную Русь, путь «из варяг в греки» по рекам: Нева, Волхов, Ловать, Днепр, волоки между ними. Такой вот была главная русская дорога X–XI веков. А девичья коса Руси — Волга, путь в Орду и дальше в Азию...

И в Сибирь наши отчичи и дедичи тоже пришли реками. По реке Чусовой взобрались на Уральский хребет (Камень), по Туре скатились к Тоболу, дальше Иртыш, Обь, Ангара, и тут великая развилка: по Лене до Ледовитого океана, по Ангаре через Байкал к Амуру, по Амуру до Тихого океана. Как написал про восточный предел нашей огромной страны замечательный поэт из Братска Василий Ороchon:

.....
*А если кто метнется вдогон —
спиралью следы завить.
Взойду на голец —
лишь сопки в разгон —
от Тихого до Ледовитого.*

Вот с Енисейска (1619 г.), стоящего при впадении Ангары в Енисей, вверх по Ангаре до Балаганска (1654 г.) и далее, началось освоение Восточной Сибири. Это и есть **первый тракт в нашей округе, возникший в первой половине XVII века**. Путь тяжелый, на шестах, через пороги против быстрой и своенравной дочери Байкала Ангары. Вся жизнь ютилась, теплилась по пашням, росчистям, отвоеванным у тайги. Но жизнь не стояла на месте, росло население, появлялись новые остроги, заимки, деревни, увеличивался поток грузов. Возникла острая необходимость в сухопутном пути от Красноярска до Иркутска, и он появился: Нижнеудинск, Тулун, Барлук, Уян, Буря, Балаганск и дальше на Иркутск. И что очень важно, этот путь позволял обойти братские пороги. **Вот так и возник в конце XVII — начале XVIII веков второй тракт**, пересекавший нашу округу с северо-запада на юго-восток.

Обратите внимание на даты возникновения населенных пунктов, через которые он проходил: Нижнеудинск — 1664 год; Барлук — 1677 год; Буря — 1680 год, дальше Балаганск, вставший на Ангаре еще раньше, как часть водного пути, в 1654 году. Именно поиск этого тракта и привел меня в села Барлук, Уян, Буря, о чем и шла речь выше. В 1734 году этим трактом проехал налегке от Тобольска до Иркутска знаменитый путешественник Витус Беринг, руководитель Второй Камчатской экспедиции. А в 1735 году тем же путем проследовал другой участник этой же экспедиции, русский ботаник, этнограф, географ Степан Петрович Крашенинников. В своих записках он в частности сообщал, что после Бури они проехали Бессоново зимовье на речке Биритке, потом деревню Шиверскую на Ангаре, и через 50 км достигли Балаганского острога. Буринцы же рассказывали про старую, сегодня заброшенную дорогу от Бури к Секурте, Вершине, Сборному и дальше, через окинско-ангарский водораздел до Балаганска. Пожалуй, и Степан Крашенинников, и буринцы говорили об одном и том же. Если почти прямую линию, соединяющую Барлук, Уян и Бурю, продолжить до Ангары, то она упрется в нынешний Бирит, и на ней как раз-таки будут и Митляево, когда-то, наверное, начинавшееся с Бессонова зимовья на Биритке, и Сборный, и Вершина. Вот так и проходил первый сухопутный тракт, соединяющий Иркутск с западом России.

К тому времени составлялись первые карты, сенат при дворе Анны Иоанновны еще в 1733 году принимает решение о строительстве Московского-Сибирского тракта с почтовыми станциями и кормовищами. Взглянем и мы внимательно на карту, проведем прямую линию от Тулуна к Усолю-Сибирскому (1669 г.). И зачем эта загогулина на Балаганск, эта отвилка через Барлук, Уян и Бурю? Она только удлиняет путь до Иркутска. Я думаю, что наши предки в начале XVIII века рассуждали примерно так же, и спрямили путь. И Московско-Сибирский тракт лег правее и в 1743 году пересек Оку, здесь возник Зиминский почтовый станец. Так к середине XVIII века в общих чертах сформировалась наша главная российская дорога, которой мы и пользуемся до сих пор (Р255, Сибирь). Вот это и есть **третий тракт, проходящий по нашей округе**. А дорога через наши старожильные села, перестав быть главным российским трактом, не потеряла своего значения, она через Балаганск ушла на Жигалово, соединила север с плодородными хлебными землями. По нему шла интенсивная торговля. Потом тракт от Куйтуна до Жигалова стали называть Шелашниковским.

И тракт четвертый. Это даже не тракт как таковой, в имперском, привычном смысле этого слова. Это древний путь из Монголии в Унгинские степи, к булаганам, бурятским стойбищам в районе нынешнего Балаганска. Путь начинался в Монголии, потом от истока Оки шел вниз через нынешний Орлик. Дальше петлял по горам вдоль ущелья Орха-Бом. У Тугултуя выбегал на равнину и продолжался поймой Оки мимо бурятских поселений на месте нынешней Верх-Оки. Достигал Зимы, тогда, наверное, бурятской Зама, и дальше, через окино-ангарский водораздел уходил к Ангаре, в большие бурятские степи. Подтверждает существование этого пути, в частности, путешествие, предпринятое князем Петром Кропоткиным в 1865 году и описанное им в очерке «Поездка в Окинский караул». Во время Великой Отечественной войны этой тяжелейшей дорогой гнали лошадей из Монголии на зиминский мясозавод. Вот и получается, что нынешняя Зима, когда-то, скорее всего, Зама, стоит на пересечении древнего пути из Монголии к бурятам и Московского тракта, точнее, когда началось строительство тракта, Зама уже существовала как бурятский улус, а приезд ямщиков из Балаганска (Безносо-

вы, Шиверские, Константиновы, Бухаровы и иже с ними) сделал Заму ямщицким станцем — Зимой. Итак, подытожим наш разговор:

1 тракт — водный путь по Ангаре, первая половина XVII века.

2 тракт — сухопутный путь в обход братских порогов от Нижнеудинска до Балаганска через Барлук, Уян и Бурю. Конец XVII, начало XVIII веков.

3 тракт — Московско-Сибирский тракт, середина XVIII века. Нынешняя федеральная трасса Красноярск — Иркутск.

4 тракт — древний путь из Монголии в Унгинские степи вдоль реки Оки, через Зиму.

Послесловие

Когда я ездил по селам, а потом писал этот материал, я чувствовал себя первооткрывателем, и для себя я действительно открыл многое. Но все, что я узнал о трактах, было давно известно, просто рассыпано по разным источникам. Я не открыл никаких Америк, не изобрел велосипед. Я попробовал собрать все эти сведения воедино, систематизировать их, где-то добавить свои, впрочем, вполне очевидные предположения, и вышло «Четыре тракта». Потом я открыл большую карту автомобильных дорог Иркутской области (рекомендую сделать это и вам) и нашел все эти тракты (за исключением, конечно же, пути вдоль Оки от Орлика до Зимы), например, путь от Бури через Вершину до Бирита обозначен как проселочная дорога.

Для чего я все это делал? «Четыре тракта» — это попытка связать времена, не хая советскую власть, не прославляя царскую. А просто связать в единое — прошлое и настоящее, попытка поставить свой узелок на этой вечной русской верви, соединить времена, ибо так разорванно, беспмятно жить нельзя.

Не все сразу легло в заметки о Барлуке, Уяне, Буре, что-то просто упустил. Вот как сейчас вижу — въезд в Уян, навстречу попало два трактора. Первый, обычный — «Беларусь», за рулем молодой мужик. Следом, как игрушка, веселенький, новехонький, весь цветной тракторок. Управляет им парнишка в очках, лет двенадцати, с светлым, чистым лицом. Трактор его оснащен диковинной для меня косилкой — ее необычные, радостные круги горят на солнце. Отец с сыном едут в поле, сенокос в разгаре.

Побывал в трех селах, и что? — скорее жива или мертва сегодняшняя деревня? Глядя на этих отца с сыном — конечно, жива! А обернешься вокруг, споткнешься о дома, вросшие по окна в землю, встретишься взглядом с их пустыми вопрошающими глазницами... Однозначного ответа у меня нет. Кто работает — тот живет. Тяжело, вопреки всем обстоятельствам, но живет. Государство ставит на большие агрохолдинги, с мужиком, единоличником ему хлопотно. В одном уверен — без богатой, твердо стоящей на ногах деревни России не быть. Не стоит дом, построенный на песке, а деревня — фундамент нашей страны. И совершенно прав Павел Дмитриевич Терентьев из Бури: «исчезнет деревня — чем город жить будет, что есть?».

Наш крестьянин до сих пор как с похмелья — погуляли в 1917 году и по сей день в доме своем до конца не прибрались. Частью протрезвели, частью так и лелеют свой дурман, нянчат его из поколения в поколение. К слову, о поколениях. Поверьте, я разговаривал со многими людьми, разговаривал и в Барлуке, и в Уяне,

и в Буре, и вырисовывается вот такая картина: с 30-х годов прошлого века — становление колхозов, разрушение церквей, Великая война, исчезновение колхозов и совхозов — все это хорошо помнится. Известен и начальный период: приход казаков, первые коренные фамилии основателей сел. Потом — старожильный период, основной, главный, почти 250 лет! И что от него осталось? — Кондовые избы в кружевных наличниках и фамилии. И все! И темнота! И будто бы и не было ничего. Два с половиной века утекли, провалились в страшный разлом 1917 года. С этого года начиналась новая история России. И не только простые лень и нелюбопытство, а еще и подспудный страх — страх знать, кем были твои прабабушки и прадедушки, делал забывчивыми внуков. А страх за судьбы этих внуков заставлял молчать стариков. Им было что скрывать, богатые были села. Как там у Маяковского:

*«Мы б его спросили:
— А ваши кто родители?
Чем вы занимались
до 17-го года?
Только этого... бы и видели».*

Вот и рассказывает Оксана Макарова из Барлука, мол, посадили кулака Филатова, вкуче с остальными барлуцкими богатеями на подводы, вечером это было, солнышко садилось, и повезли их куда-то, с глаз долой, из села вон. Как ветром с ладони людей сдуло, и никто их больше не видел. И памяти о них в селе почти и не осталось, разве что красавица больница в Барлуке. Приблизительно та же история и с купцом Скуратовым из Бури, правда, тот успел сбежать за границу.

Может быть, этот разрыв, раскол 1917 года и не дает до сих пор встать селам крепко на ноги, распрямиться в полный рост — разъезжаются ноги? Может быть, это и есть причина того нестроения и заплутая, что и по сей день мучает и рвет село?

К 1930 году крестьянина мечом и огнем переделали в колхозника, потом, в 90-х — колхозника на фермера, сейчас пришло время аграриев, пасомых менеджером Патрушевым, время агрохолдингов и сетевиков.

Куда дальше?

И последняя реплика. В беседе об Уяне с Николаем Георгиевичем Орлянским я мельком упомянул Екатерининский тракт. Николай Георгиевич оживился, сказал, что знает этот тракт, начал объяснять, как его найти, мол, едешь по Анучинскому тракту, поворот направо, вот тут он и виден. Я съездил, поискал, да не нашел. Предложил Николаю Георгиевичу съездить вместе, и мы поехали, и с трудом, но нашли эту белую от берез дорогу. Она как-то вдруг выступила из леса, шагнула нам навстречу и приняла в себя. Но о Екатерининском тракте позже, он не длинный, километров десять, не больше, если я не ошибаюсь. И идет он, скорее всего, через ту же Вершину к Балаганску, и прежде чем о нем написать, по нему надо обязательно пройти.

Белая дорога

Летом 2019 года я закончил серию очерков под общим названием «Четыре тракта». Тем же летом с помощью замечательного человека Николая Георгиевича Орлянского нашел Екатерининский тракт и положил себе — пройти по нему. И вот, только через два года осуществил желаемое.

7 июля 2021 года. Жара за тридцать. Иван Купала, а значит — вода, чудеса с русалками. А из воды у меня всего-то пол-литровая пластиковая бутылочка. Да и чудес никаких, просто — рюкзак, спальник, палатка, продукты. В левом кармане брюк финики, в правом галеты — перекус. Комариная дрожь тишины. Екатерининский тракт застыл белым туннелем. Белым, потому что обсажен березами, кроны которых смыкаются где-то вверху, заслоняя собственно тракт от плещущего жаром неба. Я включил шагомер, сверился с компасом и вступил на Белую дорогу. Было три часа пополудни. Этого путешествия — две ночевки, порядка 20 км (по моим прикидкам по карте), — если честно, я ждал не два последних года. Первое мое знакомство с Екатерининским трактом состоялось 30 лет назад, и с тех пор я мечтал пройти по нему. А дело было так.

Май 1993 года. Неделю назад я у полуслеплого деда купил коня, который был старше, чем этот дед, и это было мое первое путешествие верхом. Я был переполнен чем-то главным, настоящим, я был важен и смешон в этой важности, я был один на всем белом свете, и я был вместилищем нового света. Я начинал крестьянствовать. На Гуте, близ Большого Воронежа, лежало 7,5 га моей земли. Я сам! Я хозяин!

До этого я толком и не сидел верхом на лошади. Все в новинку: узда, настоящее кожаное седло, стремяна... В путь! Только-только отошел березовый сок, и белоствольные подружки закудрявились первыми нежными, робкими липкими листочками. Чудесный, теплый майский день. На солнышке изрядный припек, до жаркого. Мне 35 лет. Коню пятнадцать. Черная кулацкая кепчонка набекрень, чуб по ветру, китель х/б на голое тело, затрапезные рабочие штаны да кирзачи. И весна, и настоящая, из сыромятины плетка. Казачки асфальтовые подарили. В начале девяностых много их ходило: наряженные, в форме, при погонах и с плетками. А мне сам атаман плетку подарил! Один из пяти атаманов нашего городка. Видели б меня сейчас казаки настоящие, природные, из той же бабушкиной деревни Рудни, что на реке Медведице, заулюлюкали, натешились бы вдоволь.

Наездник из меня был, конечно же, никудышный. Если помните, у Грибоедова, Чацкий советует своему старому полковому другу: «Движенья более. В деревню, в теплый край. Будь чаще на коне...».

Я раньше читал и думал: какое тут упражнение, какая нагрузка? Одно баловство барское. Сел да скачи! Казаки в седлах умудрялись засыпать. Только после той трехчасовой поездки я внял классику. Дрожали ноги, болела спина, ныла отбитая «пятая точка». Это потом я понял, что надо пружинить на стремянах, это потом я научился чувствовать лошадь, работать вместе с ней. А тогда... А тогда было неумело, трудно и... хорошо. Васек (так звали моего здорового мерина), посмеиваясь над неумехой, все старался, старый лентяй, перейти на шаг, все мотал доброй гривастой башкой. А я гикал, пугал друга плеткой, он делал вид, что боится, и переходил в тяжелый, старческий галоп (рысью он просто не умел). Мы двигались по гутскому распадку, впереди был заброшенный Владимировск.

В нашей округе много заброшенных деревень. Возникшие в начале прошлого века, многие в прошлом веке и исчезли. Рождались эти поселения тяжело. Потом и кровью мужиков, баб, детишек полита эта раскорчеванная, отобранная у тайги земля. А умирали деревеньки тихо, понуро, послушно. Вот одной из таких деревень и был Владимировск: обширный, где-то пологий, а где и покруче, косогор, сбегаящий с запада на восток к небольшой, когда-то полноводной, а тогда, в 90-х, обмелевшей, захиревшей речушке Гуте. Видны направления двух улиц, квадраты

усадеб. Стоят живы-невредимы черемухи, рябины. Буйствует, гуляет по жирной, давно не рожавшей земле крапива. Чудо-крапива, в человечесий рост. И над этой красивой, грустной пустошью окоемом висится тайга. Выехал за едва различимую околицу, проехал метров триста, и на тебе — белая дорога! Она бежит мимо деревушки, нарочито мимо, надменно, не заглядывая в нее. Нет, не бежит. Она горделиво, строго по прямой режет мрачноватую, насупившуюся тайгу. По обочинам этой дороги стоят белоствольные березы (они-то и делают дорогу белой). Что-то было строгое, регулярное, парковое в этой картине. Но кто будет сажать в тайге березы? Загадка. Фрагмент, аллея петродворцовского парка в глухой сибирской тайге? Чудеса.

Потом на мои вопросы местные отвечали, что да, действительно, есть такая дорога, и имя ей — Екатерининский, или Иконниковский тракт.

И вот я снова, через столько лет на этом тракте, только захожу с другой его стороны, не со стороны Владимировска, а со стороны Анучинского тракта, предполагая через 14 километров именно в заброшенный Владимировск и выйти, а дальше уже этим распадком идти на свою заброшенную Гуту.

Прошел первый километр. Комар и овод лютуют. Несмотря на жару, пришлось надеть штормовку. Через час она стала мокрой. Душно, мокрая трава, ни ветерка. Дорога проезжая, идет в нужном мне юго-западном, южном направлении, хорошо просматривается тракторная колея. Окоемом, туннелем — березки, и где-то там, далеко, в конце зеленого туннеля, фонариком висит солнце, и весь этот влажный лесной мир дрожит, плавится в жарком духмяном мареве.

Через шесть километров вышел на большую поляну, есть черемуха, видно, здесь жили когда-то люди. На карте это место обозначено как Петропавловское. Пока стоял, определялся куда идти, метрах в двухстах позади меня береза заходила ходуном. Тишь, ни ветерка, а береза не маленькая, такую вдруг не раскатать, мне точно не по силам. Бык почесался, или... Крикнул пару раз для остратки, повернул на свой юго-запад и пошел не оглядываясь. Будь что будет. А куда деваться?

На выходе с Петропавловского стоит могучий лиственнь. Лиственнь в нашем городском парке, в «Таежных бульварах» — щенок, стройный пацан перед этим кряжистым великаном. Лесорубам он был, скорее всего, без надобности — в какой Китай его? А, может быть, суеверно побоялись трогать? И действительно, стоишь перед ним — и благоговейный ужас охватывает тебя — вот свидетель минимум четырех прошедших веков, и все вокруг, и ты сам кажешься маленьким и ничемным перед его величием. Возможно, этот царственный лиственнь (тогда маленькая, кудрявая, веселая лиственница) помнит древних монголов, проходивших здесь в начале XVII века. Они шли с юго-запада, из далеких монгольских степей, сначала в Восточный Саян, к истоку Оки, а дальше вдоль нее до Замы (нынешней Зимы), где Ока поворачивает круто на север и течет параллельно Ангаре. Монголы же прямил свой путь на северо-восток, непосредственно в приангарские степи, к бурятам за данью. Так и видится: та же жара, в том же мареве — мохнатые, выносливые низкорослые монгольские лошади, суровые узкоглазые всадники, кривые сабли, а на обочине притаилась и с тревожным любопытством смотрит на конницу наша лиственница — сегодня могучий лиственнь, страж этого древнего тракта из Монголии в бурятские степи. Может быть, так все и было?

Прошел 8 километров. На всем пути сотовой связи нет. Сразу за Петропавловским тракт пересекает речушку — веселую, чистую, быструю, в метр шириной.

Что за река? Сверился с картой. Достоверного ответа не получил. Нет, это точно не Тангутка, не ее исток. Может быть это безымянная речка, текущая через Большой Воронеж? Пусть будет так. Умылся, вылил из бутылочки домашнюю, подкрановую воду, налил студеной, лесной и двинул дальше. Дорога пошла в гору. Поднялся и остановился в задумчивости — одна дорога на запад, другая на восток. На запад — к Бодорою, на восток к Анучинску, а мне надо на юго-запад, а там густой, непролазный молодой лес. Прошел метров пятьсот на восток, увидел едва приметную дорогу на юг и пошел по ней. Она не круто, но упорно тянула в гору. Нашел пару маслят.

Уже три часа в пути, прошел около 12 километров. Сделал привал, перекусил — финики, галеты, вода. Воду не жалел, недалеко уже должна быть моя речушка Гута.

Боже, как же шли первопроходцы? У меня есть карта, компас, иду по дороге, и то меня сопровождает миллион сомнений — туда, не туда? А как же они? Невежливо.

Прошел немало, а леса-то толком и нету, такого, который брать можно, строевого. Нет чистой, звонкой боровой тайги. Молодые деревца — сосна с березой и осиной вперемежку. Молодой, не видный, захлащенный, скучный лес. Да и дорога совсем не белая, исчезла парковая регулярность, стало больше сосны вдоль дороги.

На 13-м километре прошел заболоченную низинку, принял ее за исток Гуты. Поймал дорогу вдоль этой низинки. Значит, Гута у меня по левую руку, скоро выход на Владимировск, лес расступится, я выйду на косогор, спущусь к речке, напьюсь вволю воды, сделаю костерок, может и заночую...

Вспугнул глухариную семью: глухарь, капалуха и их детеныш. Родители улетели вправо от меня, глухаренок величиной с хорошего бройлера — влево. Сделал еще несколько шагов, капалуха не выдержала, полетела к своему птенцу, села на поваленное бревно, в страхе крутит головой. Я стал судорожно расчехлять фотоаппарат (оружия у меня, слава Богу, не было), но, конечно же, не успел, хотя и был он под рукой, висел сбоку. Птички улетели. Справа открылся покос. Нет, это не Владимировск. Места мне совершенно незнакомые. Дороги разбегаются в не нужных мне направлениях. Иду по одной, перехожу на другую, нет ни реки, ни заброшенной деревни. Засуетился. Пробую идти по азимуту, на юго-запад. Тяжко. Папоротник по грудь, на земле хлам, стволы деревьев. Бредешь наугад, вслепую. Грохнулся, потянул ногу, еле встал, помассажировал, отпустило. С горем пополам выбрался на более-менее чистое пространство. Часы показывали 20:30, шагомер — 21 км 700 метров. Солнце ушло за тучи. Едва горел запад, подтверждая показания компаса. Душно. Заблудился.

Поставил палатку. Костра не разжигал, мог спалить округу вместе с собой. Сбросил мокрую от пота одежду. Осмотрел себя. Клещи, много. Один, второй, пятый, присосались недавно. Выдергивал и давил. Снова выдергивал и опять давил.

Съел пару фиников, печеньку, запил последним глотком воды. Да, собственно, и есть-то не хотелось. Укрылся спальником. Душно. Пошел дождь, но прохладней не стало. Чувствую, как ползают по мне клещи. Включаю фонарик, выдергиваю с каким-то ловким остервенением из себя эту тварь, давлю, выползаю из палатки, выкидываю, опять осматриваюсь и снова в спальник. А сон не идет, все кручу в голове: где же я, куда попал, как выйти? Идти на юг? Там Воронеж должен быть. Идти на запад — это Лихачи. Только не на восток, до Анучинска далеко, да и делать мне там нечего. Как же меня закружило так и вынесло в этот хлам, в папо-

ротник, в клещи? Что с речками? И чего я сюда вообще поперся. Мирно, спокойно окучил бы картошку на огороде. Жена, внучка...

Спал, не спал, а подхватился в шесть утра. Снял очередных клещей, собрал пожитки. Куда? На запад или на юг? Пошел напролом, на юг. Серо. Дождик едва нудит, мокрый папоротник в мой рост, брызги в разные стороны. Да какая уже разница — мокрые штаны и штормовку на голое тело — и ходу. Гаджеты предали, промокли и отказали. Часы полностью — застались цифры, появился жалобный городской писк, порвался ремешок. Диктофон, в который я наговаривал свои впечатления, перестал выключаться.

Километра через полтора, два, точно и не определишь по этому бурелому, вышел я на дорогу. Вздохнул с облегчением и вцепился в нее. Дорога вывела к по-косу, повела дальше, превратившись из лесной в полевую, и уперлась в балаган не балаган, табор не табор — избушка, подсобные строения, что-то вроде стаек, навес с сеном, военный кунг, изгородь из горбыля и неструганых жердей. Загавкала на цепи собака, показался худой, в наколках мужичок неопределенных лет. Похоже сторож. Моему приходу он особо не удивился. Показал дорогу на Больше-Воронеж, мол, она одна здесь наезженная, не ошибешься, километров десять и дойдешь.

Тихо. Накрапывал дождь. Густой костер вдоль дороги отяжелел от воды и лег. Такой трудно будет поднять косой. Не распутившийся иван-чай стоял усеянный водяными каплями — они ртутными шариками лежали на его продолговатых листьях, в них застыло тусклое небо. Я пробовал слизывать эти капли, хотя особой жажды не испытывал, просто на всякий случай. Впереди в дорожной колее замер коричневатый заяц, секунда, другая, почуял опасность и сиганул в траву.

Около 10 утра распахнулась обширная долина, показалась деревня. Обычная, неказистая, но такая сейчас желанная. И такая радость накатила! Я замер, прислушался к себе: вместе с радостью приковывляла усталость.

Я никогда не попадал в Больше-Воронеж с этой стороны. Передо мной весело бежала безымянная речка, я стоял на ее левом берегу. В мою бытность, лет 25 назад, здесь был пересыхающий ручей, а теперь пришлось, чуть ли не вброд, скакать по скользким доскам, брошенным в виде гати через речушку. Перебрался, сел передохнуть. А ведь самое интересное — та речка, где я наполнил вчера заветную пол-литровую бутылочку, оставалась у меня по левую руку, я был на ее правом берегу. Значит, не она бежала в Большой Воронеж, не она сейчас передо мной. Что же это была за река-речушка?

Вышел на первую от реки деревенскую улицу, ту, на которой школа. В самом ее начале два мужика нехотя, лениво возились с трактором. Я попросил воды, объяснил, откуда и куда иду. Когда услышали, что иду на Гуту, вспомнили, как меня зовут, вспомнили, что я когда-то крестьянствовал в этих окрестностях.

— У нас тут, слышь, медведь шалит, — один из мужиков махнул в ту сторону, откуда я пришел.

Я рассказал про качавшуюся березу. Мужики понимающе покивали головами.

К обеду, вымотанный в ноль, я вышел на свою, бывшую мою, Гуту. Было одно желание — принести воды из родника, нарезать сало и выпить водки. Именно в такой последовательности. И я жадно пил родниковую воду и не мог никак напиться, потом было сало и стакан водки. Отпустило, расслабился.

Екатерининский тракт, Екатерининский тракт... А при чем здесь Екатерина II (время царствования 1762–1796 годы) и та дорога, по которой я плутал? Смею

предположить, что Екатерининский тракт, он же Иконниковский переселенческий 1911 года, он же — Белая дорога, является частью древнего пути из Монголии к ангарским бурятам, четвертого тракта по моим очеркам. Он существовал с незапамятных времен. В районе Вершины эта древняя дорога пересекалась с первым сухопутным трактом из Красноярска в Иркутск (конец XVII века) и там, на водоразделе рек Оки и Ангары, они, слившись воедино, сбегали в приангарские бурятские степи (Бирит, Янды, Балаганск). С началом столыпинской реформы об этом пути вспомнили, он наверняка существовал в виде заброшенной лесной дороги, наняли крестьян, отсыпали полотно, сделали канавы. В соответствии с указом Екатерины II от 1 июня 1783 года, обсадили березами, дабы путники не сбивались с пути — вот откуда и Екатерининский тракт! Потом от него, как от главной артерии, пошли ответвления на вновь возникшие столыпинские деревни: Иконники, Карповск, Больше-Воронеж, Владимировск, Лихачево и другие. А ныне этот путь за ненадобностью вновь зарос, запустел, превратился в невнятное направление.

Итак, Екатерининский тракт тридцать лет назад поманил меня с одного конца, а сейчас позвал с другого. Заманил, закрутил и оставил один на один с тайгой. За этим, пожалуй, и звал — показать не с экрана монитора, а живьем, через жару, пот, страх и труд всю нашу мелкую, недальновидную людскую жадность — нахапать сегодня, а дальше ни лес, ни трава не расти. Нет, растет и будет расти. И это тоже показал тракт — только уходит человек с пилой и топором, тайга молча, тихо, стыдливо укрывает папоротником и иван-чаем весь этот хлам, оставленный человеком. Потом в тени и мokrени травной превращает его в гниль и труху. Потом — выстреливают к солнышку на вырубках осины и березки. Потом... И не успеет еще человек и оглянуться на весь свой недолгий век, — ах! — а там, где были вырубка и покосы, колышутся плотной зеленой непроходимой стеной молодые сосны и чубатые лиственницы. Тайга наступает молча, неумолимо и безжалостно. И ее зеленая поступь равнодушна и неотвратима — не откупишься, не отговоришься, не умолишь. Но в этом и есть, наверное, высшая справедливость.